

УДК 316.159

**ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ
НАУЧНЫХ ШКОЛ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В РОССИИ:
НАСЛЕДИЕ В.И. ГРИГОРОВИЧА**

Н.И. Макарова

Аннотация

Статья посвящена истории казанской школы славяноведения в период ее формирования. Анализируются деятельность и важнейшие труды основоположника школы, знаменитого слависта В.И. Григоровича. Выявлены основные научные традиции, заложенные ученым и получившие продолжение в трудах его учеников.

История славяноведения XIX в. – один из противоречивых и туманных сюжетов историографии. Оно формировалось как комплексная наука о славянской культуре, включало в себя исторические, этнографические, историко-литературные, лингвистические и др. исследования. Сложность подхода, а также вовлеченность науки о славянах в политические процессы, связанные с борьбой за независимость славянских народов – те причины, по которым славяноведение с самого начала своего существования вызывало противоречивые суждения ученого мира. И до наших дней многие открытия междисциплинарного и специального характера остаются недооцененными, еще не в полной мере осмыслено наследие первых научных школ, остается «загадкой» личность ученого-славяноведа XIX столетия. Такова ситуация и с изучением наследия казанской школы славяноведения. Ее первые историографы – профессор славянской филологии Казанского университета М.П. Петровский, профессор славянской филологии Казанского университета Н.М. Петровский, академик И.В. Ягич – в своих работах частично осветили первый этап развития славяноведения в Казани: открытие специальной кафедры, путешествие В.И. Григоровича в славянские земли «с ученой целью», его преподавательскую и научную деятельность казанского периода¹. В XX в. деятельность основателя казанской школы славяноведения кратко освещается в библиографических и обобщающих историографических изданиях², единственное монографическое исследование творчества В.И. Григоровича как историка славян осуществлено А.В. Серге-

¹ *Петровский М.П.* Виктор Иванович Григорович в Казани // Славянское обозрение. – СПб., 1892. – Т. 2; *Петровский М.П.* Первый ученый труд В.И. Григоровича. – Варшава, 1893; *Петровский М.П.* Григорович и Прейс. К истории славяноведения на Руси // ИОРЯС ИАН. – 1897. – Т. II, Кн. 3; *Петровский Н.М.* Путешествие В.И. Григоровича в славянские земли // ЖМНП. – 1915. – № 10–12; *Ягич И.В.* История славянской филологии // Энциклопедия славянской филологии. – ИОРЯС. – СПб., 1910. – Вып. 1.

² См., например: Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. – М., 1979; *Лантвева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. – М., 2005. – С. 209–230.

евым¹. Однако до настоящего времени отсутствуют комплексные исследования казанской школы славяноведения как научного сообщества, детально не анализировались методологические идеи и научные традиции, заложенные В.И. Григоровичем и реализованные его учениками и последователями, в результате чего наше представление о роли личности этого ученого в становлении науки о славянском мире остается недостаточно глубоким.

Виктор Иванович Григорович родился 30 апреля 1815 г. в г. Балта Подольской губернии в помещичьей семье, его мать происходила из польского рода Шелеховских. Начальное образование он получил в униатском училище г. Умань, а затем в 15-летнем возрасте поступил в Харьковский университет, где преимущественно занимался изучением древних языков. После окончания университета Григорович был направлен на службу в Петербург, однако по дороге к месту назначения он изменил свое решение и отправился в Дерпт. Здесь он снова стал студентом и в течение пяти лет (1834–1839) изучал классическую филологию и немецкую философию. Такая подготовка оказалась серьезным методологическим фундаментом для будущего слависта и текстолога, поскольку классическая филология имела многие столетия непрерывающейся традиции работы с текстом и типологически сходными процессами в истории культуры.

Там же, в Дерпте, молодой исследователь интересовался вопросами культуры славян, изучал труд П. Шафарика «История славянского языка и литературы по всем наречиям», занимался проблемой славяно-византийских отношений. Будучи студентом, Григорович познакомился со слушателями Профессорского института, созданного в 1827 г. при Дерптском университете для подготовки преподавательских кадров. Среди них были астроном А.Н. Савич, медик И.В. Варвинский, политэконом И.Я. Горлов. Последний в 1833 г. был назначен в Казанский университет и, вероятно, он указал на талантливую молодого ученого как возможного кандидата на открывающуюся славяноведческую кафедру.

В соответствии с уставом 1835 г. в университетах Петербурга, Москвы, Казани, Харькова открываются кафедры «истории и литератур славянских наречий»². В доуниверситетский период (конец XVIII – начало XIX вв.) осуществлялось, главным образом, накопление, первоначальная обработка, издание источников. В этот период в славянской Европе работали Й. Добровский, В. Ганка, В. Караджич, П. Шафарик, В. Копитар, в России – К.Ф. Калайдович, П.И. Кеппен, А.Х. Востоков и др.

По мере накопления и издания материалов появилась возможность сопоставительных исследований в аспекте языковедческом, культурно-историческом, этнографическом и др. Так, А.Х. Востоков закладывает основы сравнительного славянского языкознания («Рассуждения о славянском языке», 1820), Й. Добровский публикует «Исторический взгляд на грамматику славянских наречий» (1817), П. Шафарик несколько позднее – «Историю славянских языков и литератур» (1826) – работу, от которой многие историографы начинают

¹ Сергеев А.С. В.И. Григорович как историк славян. Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1965.

² Полн. Собр. Законов Рос. Империи. Собр. 2, т. 10, отд. 1. – СПб., 1836. – С. 842.

отсчет истории славяноведения, поскольку в ней на обширном материале утверждается идея о типологическом родстве славянских культур.

Открытие в университетах Петербурга, Москвы, Казани и Харькова на гуманитарных отделениях философских факультетов кафедр истории и литератур славянских наречий, с одной стороны, явилось «легализацией» молодой науки. Произошло закономерное расширение круга исследователей, и, соответственно, более интенсивным стал поиск и систематизация источников, в ходе создания лекционных курсов структурировались накопленные знания.

Кроме того, университетское пространство в целом способствовало самосознанию славяноведения как науки, так как обеспечивало междисциплинарное общение. С другой стороны, это же пространство оказывалось и формой контроля. В первой половине XIX в. из всех славянских стран независимостью обладали только Россия и Черногория. Интерес гуманитариев к культуре славян изначально выходил за пределы научной сферы и сразу официально подавлялся. В 1847 г. министр народного просвещения С.С. Уваров разослал попечителям учебных округов высочайше одобренный циркуляр, в котором говорилось, что «мечтания» о культурном и политическом объединении славян вредны, что в университетском преподавании надлежит руководствоваться «идеей русской национальности»¹. Таким образом было ограничено освещение современного положения западных и южных славян, особенно в социальном и политическом аспекте, и выражено отношение к славяноведению в целом.

Ситуация усугублялась также и отсутствием необходимых «контекстуальных» знаний по славянской культуре в университетских научных сообществах. По выражению М.П. Петровского, «немногие из составителей учебных книг по русской грамматике, русской словесности и церковнославянскому языку понимали отношения между этими отделами знания; еще меньше было историков русской литературы, которые предполагали, что она началась не с хвалебных од Ломоносова»².

Итак, от начавших функционировать в России центров славяноведения во многом зависел дальнейший путь развития этой науки. В 1839–40 гг. Московский, Петербургский, Харьковский университеты направили в путешествие по славянским землям ученых, которые должны были затем занять кафедры славянской филологии, – О. Бодянского, П. Прейса, И. Срезневского. В это же время Казанский университет пригласил занять кафедру истории и литературы славянских наречий Виктора Ивановича Григоровича.

27 апреля 1839 г. В.И. Григорович прибыл в Казань. Он окончил университет со званием действительного студента, поэтому в Казани ему необходимо было прежде всего получить первую ученую степень – кандидата. В июне он сдал кандидатский экзамен, а в марте 1840 г. представил кандидатскую работу «Исследования о церковнославянском наречии, основанные на изучении его в древнейших памятниках, на исторических свидетельствах и отношении его к новейшим наречиям». Рукопись этого исследования утрачена, но из донесения Григоровича факультету от 31 мая 1840 г. становится понятной главная идея

¹ *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802–1902. – СПб., 1902. – С. 224.

² *Петровский М.П.* Первый ученый труд В.И. Григоровича... – С. 2.

его первого труда. «Я довел, – говорит он, – до сведения Его Превосходительства (попечителя) о предмете моей диссертации... представил важность его, различные мнения о нем, и сочинения, служившие материалом для самой диссертации. Ознакамливаясь с языками, я остановился на вопросе, много занимавшем ученых, старавшихся решением его пояснить не только темные пункты славянского языкознания, но и доказать важнейший в истории славян факт, у какого племени созрело христианское просвещение до потребности проявить его в переводе св. писания... В отчете я представил, что склоняюсь к догадке Копитара в отношении вопроса, к какому племени должно отнести язык, ныне называемый церковно-славянским...»¹

Как указывает ученик и первый исследователь творчества Григоровича М.П. Петровский, этот доклад во многом объясняет нам и значение утраченного первого ученого труда казанского слависта и вместе с тем служит как бы программой его дальнейших лингвистических изысканий, посвященных проблемам языка перевода св. писания, происхождения и структуры древнейшего славянского алфавита и т. д.

В Отчете попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину от 6 января 1840 г. Григорович дает следующую характеристику современного ему состояния и дальнейших задач славистики: «В настоящем состоянии изучения Славянских языков и их Литератур, когда по причине множества материалов, еще не обработанных и противоречащих взглядов на совокупность их, доселе не удалось составить общих начал, по коим легко было бы обозревать всю массу не приведенных в порядок предметов, всякий, убедившись в неопределенности и неупроченности своей науки, по необходимости почувствует потребность искать если не в сущности ее доселе совершенно неузнанной, то по крайней мере во внешних отношениях некоторую опору, на которой можно было бы основать весь ряд исследований и придать им последовательность»². Подводя итог подготовительному этапу славистики, ученый подчеркивал, что из концептуального хаоса, господствующего в этой части гуманитарного знания, возможен единственный выход – структурирование проблем славянской филологии вокруг некоего единого стержня, который он пока еще не в состоянии определить, сохраняющего единство славяноведения как науки. Знаменательно, что здесь исследователь особо указывает на необходимость изучения языков славян в единстве с их историей, хотя последняя и не представляет собой искомый стержень, поскольку она также «подвержена... противоречащим себе взглядам» и «делается все запутаннее»³.

Несколько месяцев отделяют диспут по этой диссертации от представления в Совет Григоровичем в качестве отчета новой работы – «Краткого обозрения славянских литератур». Затем в переработанном виде под заглавием «Опыт изложения литературы словен» это исследование стало его магистерской диссертацией⁴. В ней представлено обозрение славянских литератур с IX до XV вв.

¹ Петровский М.П. Виктор Иванович Григорович в Казани... – С. 12–13.

² Петровский М.П. Первый ученый труд В.И. Григоровича... – С. 6–7.

³ Там же. – С. 15.

⁴ Григорович В.И. Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах. – Казань, 1843. – С. 7–9. (Впервые опубл. в «Ученых записках Казан. ун-та». – 1842. – Кн. 3. – С. 105–216; 1843. – Кн. 4. – С. 3–56).

в связи с историческими судьбами народов. По отзыву А.А. Котляревского, «это было первое ученое сочинение в России о славянской литературе с точки зрения славянской взаимности»¹.

И уже в первой редакции, т. е. в том же 1840 году, ученый во многом прояснил для себя концептуальный центр, вокруг которого должно было строиться исследование славянской культуры, – это славянское просвещение как единство фактов языка, истории, культуры. В Прощении об утверждении темы магистерской диссертации от 17 мая 1841 г. Григорович писал: «Следуя указанной мне цели на новом поприще учености, в изучении славянских литератур всегда стремился я обнимать их в совокупной связи и находить близкие или отдаленные отношения славян к высшей сфере человечества – духовной, обнаруженной словом»².

Основываясь на принципах немецкой классической философии, в частности на системе Гегеля, В.И. Григорович задался целью выявить наиболее общие закономерности развития литератур славянских народов, которые рассматривал в качестве единого историко-культурного феномена. Литературу он рассматривал как «проявление в слове народного духа» и тем самым как выражение народного самосознания. Переходя к непосредственному предмету исследования, Григорович продолжал: «Литература славян как проявление духа во внешности есть выражение их сознания, неизгладимое свидетельство важнейших моментов нравственной их жизни»³.

Наиболее общим источником и проявлением индивидуального и народного духа славянских народов Григорович считал христианство, с принятием которого связывал переход славян от «природности» (т. е. устного творчества) к появлению у них письменной литературы. Хотя в отличие от славянофилов В.И. Григорович не «отлучал» от общеславянского литературного процесса тех славян, которые после окончательного раскола церкви оказались в лоне католицизма, он все же считал, что последний принес формы, «чуждые им в политическом и религиозном отношении». Всю историю литературы восточных, южных и западных славян В.И. Григорович делил на шесть эпох: IX – первая половина XI в., когда литература славянских народов обнаруживается в их общем богослужении; вторая половина XI – конец XIV вв., когда она окончательно делится на две религиозные сферы; начало XV – начало XVII вв., когда между литературой этих двух сфер начинается борьба, причем крайней верхней датой того периода для католических славян он считал 1620 г., а для православных – основание Киевской академии; от того времени до первой половины XVIII в., когда в литературах славянских народов обнаруживаются черты нового; от «появления великих двигателей славянского слова» М.В. Ломоносова, С. Конарского, В. Крамериуса, Д. Обрадовича и других выдающихся деятелей славянской культуры; наконец, современная эпоха, начинающаяся с появления литературы романтизма.

В основном тексте изданной работы В.И. Григорович сосредоточил внимание только на первых двух эпохах, т. е. на периоде от IX до конца XIV вв. Ка-

¹ Котляревский А.А. Виктор Иванович Григорович // Славянский ежегодник. – 1877. – С. 309.

² Там же. – С. 17.

³ Григорович В.И. Опыт изложения литературы словен... – С. 7–9.

саясь литератур зарубежных славянских народов, он особо выделял чешскую и польскую литературы, возникновение которых как литератур «народных», т. е. создававшихся на этих языках, относил к первой половине XIII в. Он отмечал благотворное влияние на этот процесс Яна Гуса, его предшественников и последователей, характеризуя под углом зрения противостояния католицизму и германизации чешскую и польскую прозу и поэзию того времени, а также летописание.

Как понятно из подзаголовка к работе («часть первая»), В.И. Григорович намеревался в последующем продолжить свой труд в рамках предложенной периодизации, доведя его до современности. Во вводных разделах приведено немало характеристик и более поздних этапов истории литературы славянских народов, включая конец XVIII – первые десятилетия XIX вв. Особенно высоко отзывался В.И. Григорович о современном ему периоде славянских литератур, которые благодаря творчеству А.С. Пушкина, А. Мицкевича, С. Милутиновича, Я. Коллара, Ф. Прешерна и других писателей «сияют яркими светилами славянской народности»¹.

Концепция, которую Григорович излагал в «Опыте...», отличалась новизной и необычностью и вызвала многочисленные, в том числе критические отклики. Весьма резким был отзыв П.И. Прейса, написанный в начале 1843 г. Он упрекал Григоровича в том, что тот «не заботился о ясном, отчетливом и последовательном изложении, что он, говоря или терминами философскими, или выражениями слишком общими, едва ли представляет читателю возможность догадаться, на какой именно факт автору хотелось бы указать»². Наибольшие возражения Прейса вызвало стремление Григоровича наметить общие закономерности литературного процесса у славянских народов. «Разделение истории литературы на шесть эпох и будто бы еще общеславянских, – продолжал рецензент, – есть, по нашему мнению, натяжка... Неужели автор думает, что ход литературы русской или сербской представляет аналогию с ходом литературы чехов и поляков?»³ Столь негативные и категорично сформулированные суждения одного из наиболее ярких русских славистов первой половины XIX в. объясняются тем, что Григорович попытался подойти к постановке вопросов, которые получили актуальность и развитие только несколькими десятилетиями позже. Книга В.И. Григоровича «Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах» – первая в славяноведении сравнительная история славянских литератур – стала единственным опытом последовательного применения сравнительного метода в лингвистическом обобщающем труде.

Итак, уже в своих первых исследованиях В.И. Григорович формулирует основные принципы построения новой науки. Важное методологическое значение для него имеет осмысление славяноведения как научного пространства, не имеющего политических границ, живущего научными контактами, обменом источниками, путешествиями. Путешествия О.М. Бодянского, П.И. Прейса и И.И. Срезневского в славянские земли серьезно повлияли на развитие славянской филологии в России. Молодые слависты познакомились со многими сла-

¹ Григорович В.И. Опыт изложения литературы словен... – С. 13, 27–28.

² Петровский М.П. Григорович и Прейс... – С. 7.

³ Там же. – С. 7.

вянскими языками и диалектами, собрали огромный языковой, фольклорный и этнографический материал, открыли, осмотрели и отчасти переписали массу древнейших памятников, приобрели солидные познания во всех областях славяноведения, установили прочные научные и дружеские связи со многими выдающимися славянскими учеными. В конце 1842 г. Казанский университет предложил совершить такое путешествие Григоровичу. Он, составив предварительный план, поехал в Москву, чтобы обсудить его с О.М. Бодянским, М.П. Погодиным и др.

Приняв к сведению замечания московских ученых, Григорович представил в министерство окончательный план путешествия. Повторять путь предшественников уже не имело смысла, поэтому программа Григоровича предполагала трудное по тем временам путешествие по Балканскому полуострову с целью изучения в первую очередь старославянской письменности и болгарского языка. В плане отмечалось: «...Желаю при занятиях лингвистических обращать особенное внимание на языки самых южных словен и преимущественно болгар; при занятиях литературою изучить главнейшие произведения каждой эпохи и при этом не упускать из виду знакомства с историческими событиями в жизни народов. В этом последнем отношении, рассматривая религиозное развитие словен как условие развития их литературы, желал бы вникать в такие памятники, которые, при всей своей важности, не изданы или по редкости не приобретимы. Памятники XV и XVI столетий должны занять главное место»¹.

В мае 1844 г. Григорович отправился в путь. Свое путешествие он решил начать с Турции (по маршруту Одесса – Константинополь – Солунь – Афон).

10 сентября он уже был в г. Солунь, который особенно привлекал его как родина Кирилла и Мефодия. Здесь в книгохранилищах ученый нашел более ста пятидесяти греческих рукописей в очень плохом состоянии. Осматривая их, он постоянно спешил, так как боялся наскучить монахам, которые неохотно показывали книги, хотя и не берегли их.

Интересным было знакомство с хорватским поэтом и собирателем древностей А. Михановичем, совершившим несколько поездок по Македонии и Фракии. А. Миханович показал Григоровичу свое собрание, содержащее несколько редких глаголических рукописей, доказывавших широкое употребление глаголицы.

27 сентября началось странствие по афонским монастырям и скитам. Чтобы расположить к себе суровых монахов, а вместе с тем и получить доступ к письменным памятникам, хранившимся вместе с хламом в чуланах, сырых подвалах, погребках, на чердаках, он путешествовал без проводника, отстаивал все службы, писал для монахов письма в Россию и т. д. Почти везде его встречали невежество, грубость и подозрительность. Несмотря на эти трудности, Григорович за четыре месяца успел осмотреть 2800 греческих и 445 славянских рукописей. Из множества грамот, хранившихся в афонских монастырях, ему удалось снять копии со 120, имевших особенную важность для истории средних веков. Кроме того, он приобрел найденный в монастыре Богородицы один из древнейших глаголических памятников – Мариинское евангелие, Хиландар-

¹ *Донесения В.И. Григоровича об его путешествии по славянским землям.* – Казань, 1915. – С. 27.

ские листки, два листа пергаменного сборника XIV в., послания Иоанна к папе Клименту, пергаменную псалтырь XIII в., Законник Степана Душана, Житие святого Симеона Сербского и др.

В начале февраля Григорович вернулся в Салоники. Особенно его интересовали здесь следы воспоминаний о Кирилле и Мефодии. С этой целью он осмотрел все церкви, училища, собрания книг, но поиски оказались тщетными.

После этого Григорович посетил Охрид, Софию, Шипку, Габрово, Тырново и 11 июля прибыл в Румынию. Путешествие оказалось исключительно трудным. Тем не менее, после Афона он осмотрел еще около 470 греческих и славянских рукописей, собрал много болгарских песен, сделал массу записей о языке и быте болгар, этнографических особенностях страны. Ему принадлежит первое обследование болгарских говоров и их классификация. Он интересовался также постановкой школьного дела и посетил 14 болгарских училищ из 49.

Это был настоящий подвиг в истории славяноведения, получивший высокую оценку современников и потомков. Григорович был первым ученым, который проник в неизвестные европейцам славянские земли, находившиеся под османским игом. До него никто не отважился заглянуть в Болгарию и Македонию, хотя об этом мечтали многие. П.И. Кеппен прямо заявил о их недоступности. Ю.И. Венелин побывал только на северо-востоке Болгарии. Когда И.И. Срезневский и П.И. Прейс выразили желание посетить эту страну, то черногорский владыка сказал им, что это можно сделать лишь в том случае, если имеется в запасе по крайней мере две головы.

Затем В.И. Григорович побывал в Триесте, Дубровнике, Черногории, Хорватии и Сербии, встречался с крупнейшими славянскими учеными и деятелями культуры. Это были Я. Коллар, В. Караджич, Ф. Миклошич, Л. Гай, А. Мажуранич, В. Бабукич, С. Враз. Григорович изучал славянские языки и диалекты, осматривал библиотеки, обращая особенное внимание на рукописные памятники, собирал материал по истории письменности и быта южных славян.

Осенью 1846 г. В.И. Григорович прибыл в Прагу, где провел около пяти месяцев. Он поделился с пражскими учеными результатами своих разысканий, выступив с докладом «Свидетельства о славянских апостолах в Охриде». В ней шла речь о двух греческих житиях святого Климента, в одном из которых говорилось об изобретении им письмен. Это первое письменное свидетельство существования у южных славян двух азбук. П. Шафарику он оставил много материалов о славянских памятниках, записи болгарских народных песен, материалы по топонимии Болгарии. Как подчеркивал И.В. Ягич, В.И. Григорович нашел в П. Шафарике ученого, лучше других понимавшего значение результатов его смелого путешествия. Последний период деятельности Шафарика, связанный с изучением глаголического письма, «получил толчок от открытий, сделанных Григоровичем. Потерпевший много страданий и разочарованный пражский славист воспрянул опять духом»¹.

Летом 1847 г. Григорович вернулся в Казань. В письме В. Ганке он писал: «Начал свое преподавание, которого главным предметом на текущий год – познание юго-западных языков и преимущественно священного. Вообще разде-

¹ Ягич И.В. История славянской филологии... – С. 344.

ляю оное на три курса: а) обозрение племен и языков вообще, б) познание юго-западных и северо-западных племен и языков и в) сведения о литературе славянской с упражнениями»¹.

После возвращения в Россию Григорович решил прежде всего последовать совету Шафарика и изложить результаты своих наблюдений во время поездки. Уже в 1848 г. он издал книгу «Очерк ученого путешествия по Европейской Турции» (в 1877 г., во время русско-турецкой войны, вышло второе издание под названием «Очерк путешествия по Европейской Турции»). «Очерк» содержит ценные сведения по истории народов Балканского полуострова, истории церкви, письменности и просвещения. По выражению М.П. Петровского, это исследование «...открыло новый материк с его неведомыми дотоле обитателями. Вся история древнеславянской письменности, все исследования о языке восточной половины Балканского полуострова должны были принять новый вид; постройка их должна была производиться из того вновь открытого материала, который лежал в забросе до прибытия туда нашего ученого славянина. Наука уже не могла обойтись без книги Григоровича, воскресившей память о первых просветителях славян и многочисленных безымянных продолжателях их дела. Книга Григоровича дала новую работу всем адептам славянской науки, и во главе их был Шафарик, торжественно приветствовавший вскоре затем труды Григоровича, подъятые на разработку собранного и описанного им материала»².

В 1852 г. В.И. Григорович издает «Статьи, касающиеся древнего славянского языка». В книге говорится о значении церковнославянского языка для изучения других славянских языков, для обогащения русского языка и развития русской культуры, рассматриваются труды по древнеславянскому языку до XVII в., характеризуются памятники церковнославянской литературы. Но особенно Григоровича интересовала проблема происхождения глаголицы и славянского письма вообще. «Он был предан глаголице, как религиозной святыне, готов был всякого вводить в ее таинства», — писал И.И. Срезневский. В.И. Григорович выступал защитником большей древности глаголицы, доказывая это формой начертаний знаков, кирилловскими текстами на выскобленных глаголических рукописях. На основе этого ученый несколько видоизменил выводы В. Копитара, а именно полагал, что «...св. Кирилл нашел глаголицу, а Мефодий... после обратил ее и греческий алфавит в другую славянскую азбуку (кирилловскую)»³.

Мнение о первенстве глаголицы в конце 50-х годов XIX в. защищал и П. Шафарик. В работе «О происхождении и родине глаголитизма» (1858) он выдвинул новую гипотезу: «Во-первых, славяне до Кирилла и Мефодия не имели никаких собственных букв для писания книг... во-вторых, Константин изобрел азбуку совершенно новую, то есть состоявшую из новых начертаний, которые не были ни греческие, ни еврейские, ни латинские; в-третьих, если же Константин изобрел азбуку с новыми буквами, следовательно, глаголическую,

¹ Korespondence Pavla Josefa Safarika s ruskými ucenci. — Praha, 1927. — Sv. 1. — S. 253.

² Петровский М.П. Виктор Иванович Григорович в Казани... — С. 263-264.

³ Григорович В.И. Статьи, касающиеся древнего славянского языка. — Казань, 1852. — С. 67.

то так называемая кирилловская, наиболее с греческими начертаниями, должна получить свое начало от Климента»¹.

После революционного 1848г. усилилась духовная цензура. В 1852 г. В.И. Григорович подготовил к печати «Службы св. Кирилла и Мефодия», но смог их опубликовать только через десять лет под заглавием «Древнесловянский памятник, дополняющий житие славянских апостолов святых Кирилла и Мефодия» (Казань, 1862). В письме Срезневскому 17 октября 1852 г. он с грустью писал: «Благосклонным письмом Вашим извещен о затруднениях к печатанию служб св. Кирилла и Мефодия. Крайне опечален этим, ибо могу предполагать, что и впредь подобные затруднения не престанут препятствовать изданию подобных памятников. Готовя это издание, предварительно советовался со многими лицами, которым угодно было ободрить меня. Содержание его выше формы. Оно само за себя говорит и послужило бы ответом на несправедливые толки о значении в церкви наших апостолов. Прося покровительства Академии, чаял, что ее авторитет ослабит сомнения. Теперь убеждаюсь, что цензура не обращает внимания на это. Таким образом, мне ни к кому нельзя будет прибегнуть. Несчастье, которое особенно чувствительно»².

Источники в коллекции Григоровича в основном представляли собой церковные тексты. Так внешние обстоятельства поставили ученого в трудное положение. Сознывая свою беспомощность, Григорович выработал в себе ироническое отношение к жизненным неудачам, с самоуничижением называл себя «тяглым», «чернорабочим», «смирненным гамалом науки» и т. д.

Представление о Григоровиче-профессоре мы можем составить по его обширной переписке с учениками, рецензиям на их работы, программам и конспектам лекций, программам экзаменов на научные степени, инструкциям ученого кандидатам и магистрам «для занятий в России и за рубежом», и, наконец, по воспоминаниям его учеников.

О научных взглядах, своеобразии педагогической деятельности, научных контактах, стиле общения В.И. Григоровича писали И. Красноперов, К.В. Лаврский, В.В. Лаврский, И. Смирнов, А. Овсянников, А.С. Гацисский, В.И. Модестов, Д.А. Корсаков, М.П. Петровский, И.Я. Порфирьев. В их воспоминаниях обычно оказываются неразделимыми характеристики Григоровича-ученого и Григоровича-профессора. Перед нами предстает образ подвижника науки, человека монашеского склада, способного, однако, щедро делиться с окружающими своими духовными дарами. «С ним было даже страшно говорить о науке, несмотря на всю его младенческую кротость и самую утонченную вежливость... Всецело преданный науке, только одной науке, он в каждый данный момент, по какому угодно предмету, преподающемуся в историко-филологическом факультете, буквально засыпал своего собеседника данными, даже относившимися к специальной области последнего... Действие его на слушателей, даже в самую последнюю пору, было самое сильное: все его ближайшие слушатели, то есть люди, избиравшие славянские наречия своей специальностью, любили его до страсти, до обожания. Он не только увлекал их

¹ Шафарик П.И. О происхождении и родине глаголитизма // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). – 1860. – Кн. IV. – С. 4.

² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 436. Оп. 2. Ед. хр. 28. Л. 77.

восторженною преданностью к науке, но и учил их с таким мастерством, так скоро ставил их на ноги в своей области, что едва ли какой-либо другой русский профессор мог указать на такую живительную и непосредственную плодотворность своей преподавательской деятельности»¹, – писал русский историк и публицист В.И. Модестов. Другой ученик Григоровича, А. Овсянников, вспоминал: «Его (Григоровича – *Н.М.*) все любили, хотя об этой любви он не хлопотал. Он любил свою специальность и мало того – жил ей... Григорович сделался для меня идеалом ученого, каким остался на всю мою жизнь, мало того – и идеалом человека... Его жизнь была не жизнь, а житие, его труд был не труд, а подвиг»².

В 1863 г. Казанский университет присудил Григоровичу ученую степень доктора *gnoptis kausa*. В том же году он уволился со службы и переехал на жительство в Херсон. В мае 1865 г. Ришельевский лицей в Одессе был преобразован в Новороссийский университет. Григорович был приглашен туда ординарным профессором. В первый академический год он читал лекции «о землях, народах и языках славянских», а позднее — обзорные лекции о славянских языках и народах, древний славянский язык и предварительную историю славянской филологии, славянские древности, историю славянских литератур.

В эти годы Григорович много занимался научными исследованиями, публикуя их исключительно в одесских изданиях. Они составили 25-й том «Летописи Историко-филологического общества при Новороссийском университете» (Одесса, 1916). Почти все они посвящены изучению византийско-славянских отношений, судьбам славян на Балканах, археологии, этнографии и географии юга России.

В 1876 г. В.И. Григорович оставил университет и поселился в Елисаветграде, надеясь продолжить свои исследования. Но смерть 19 декабря того же года прервала эти планы.

Итак, Виктор Иванович Григорович – представитель блестящего «первого поколения» университетских славяноведов. Как пишет проф. Г.П. Мягков в статье «Всеобщая история в Казанском университете в XIX – нач. XX вв.: проблема формирования научной школы», этому ученому Казанский университет обязан своей первой научной школой, связанной с изучением истории, «обращенной на Запад». Исследованиями Григоровича по языковедению и истории славянских литератур было положено начало славянской филологии в Казани. В дальнейшем она развивалась усилиями его казанских учеников: М.П. Петровского (с 1875 г. профессора славянской филологии в Казанском университете, с 1895 г. – члена-корреспондента Академии наук, с 1899 г. – заграничного члена Чешской Академии наук, литературы и искусств императора Франца Иосифа), И.Я. Порфирьева (с 1864 г. профессора русской словесности в Казанской духовной академии, с 1873 г. члена-корреспондента Академии наук). В.И. Григорович стоял и у истоков исторического славяноведения в Казанском университете, ориентируя на исторические темы своих учеников (например, П.А. Ровинского). Правда, по ряду причин это направление не развивалось до 1870–80-х гг.,

¹ Модестов В.И. Отрывок из воспоминаний // Исторический вестник. – 1884. – № 2.

² Овсянников А. Из воспоминаний // Русская старина. – 1899. – Кн. 5–7. – С. 368.

когда началось возрождение данной отрасли трудами И.Н. Смирнова, ученика Н.А. Осокина¹. В Казанской духовной академии В.И. Григорович основал одну из первых в России текстологических школ, результатом деятельности которой стало многотомное Описание рукописей Соловецкой библиотеки под общей редакцией его ученика, профессора И.Я. Порфирьева².

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (№ МК-1608.2005).

Summary

N.I. Makarova. From the History of the first university research schools of Slavic studies: legacy of V.I. Grigorovich.

Article is devoted to the History of Kazan research school of Slavic studies in the period of its formation. Activities and main works of the founder of research school, famous Slavist V.I. Grigorovich, have been analysed. Main research traditions, created by scholar, are revealed.

Поступила в редакцию
14.11.06

Макарова Надежда Игоревна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры отечественной истории до XX века Казанского государственного университета.
E-mail: Nadya.Makarova@ksu.ru

¹ Мягков Г.П. Всеобщая история в Казанском университете в XIX – нач. XX вв.: проблема формирования научной школы // Историческое знание и интеллектуальная культура: Материалы научн. конф. ИВИ РАН. – М., 2001. – С. 242.

² См.: Макарова Н.И. И.Я. Порфирьев как исследователь русской литературы: Дис. ... канд. филол. наук. – Казань. 2000; Макарова Н.И., Мягков Г.П. Соловецкая библиотека как фактор развития славяноведения в Казани // Исследования по Русской истории и культуре. – М., 2006. – С. 430–441.